

18+

МЛН ЗНАКОВ ПОД ПОТОЛКОМ

Сергей Бурый

Сергей Бурый

Млн знаков под потолком

<https://litres.ru/74306482>

ISBN 9785007086240

Аннотация

Журналист просыпается в тесной запертой комнате с низким потолком. На столе печатная машинка, рядом записка с условием: дверь будет открыта, когда он напишет миллион знаков высококачественного текста. Любые контакты с внешним миром невозможны. Каждый час он должен писать минимум три тысячи знаков, иначе потолок всякий раз будет опускаться на пять сантиметров, пока не раздавит его.

Содержание

Пролог	5
1	9
2	15
3	18
4	21
5	24
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Млн знаков под потолком

Сергей Бурый

© Сергей Бурый, 2026

ISBN 978-5-0070-8624-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Осенью Роберт Маркин посадил своего друга в клетку. Весной Маркина выследили и задержали. Летом он получил пожизненный срок. В августе Роберту Маркину исполнилось двадцать шесть лет.

Он всегда был странным и необщительным. После окончания матмеха СПбГУ его приглашали работать профессором на кафедре кибернетики, но Маркин отказался. В университете такому решению были удивлены, ведь речь шла о человеке, который полностью посвящал себя науке. Сдав диплом на отлично, Маркин куда-то пропал, и через два года о нем уже никто не вспоминал.

Роберт Маркин жил один на съемной квартире неподалеку от Смоленского кладбища. Квартира была маленькой, паркет скрипел, трещины на старых окнах заклеены желтой ватой. Жилищные условия его не волновали, мощный ноутбук успешно заменял блага. Он давно переписывался с одним русскоговорящим парнем из Google, помогая ему решать рабочие задачи. Сначала это происходило на добровольной основе, потом Маркину предложили контракт. Он вошел в большую команду, создающую революционно новую модель искусственного интеллекта.

Талантливому молодому сотруднику сразу предложили переехать, но он отказался. Обычно в таких случаях Google

находил замену, однако Роберта Маркина решили оставить, разглядев в нем начинающего гения. После первого месяца работы помимо зарплаты ему перевели крупную сумму на покупку оборудования. Маркин жаловался, что ему не хватает мощностей. Через полгода плодотворных трудов он прислал еще один список с оборудованием. В Google подумали и решили, что если этот русский продолжит приносить пользу, затраты окупятся очень быстро. Роберт Маркин получил деньги и пропал. Американская корпорация всеми способами пыталась отыскать гения, но не получалось. Он не появлялся на съемной квартире несколько месяцев, фанатично осуществляя свою задумку.

Маркин присмотрел это здание несколько лет назад, и почти сразу у него в голове созрел план. Оставалось лишь продумать детали. Это был заброшенный дом на Малом проспекте, который построили, но в эксплуатацию не ввели. Кто-то что-то не поделил, дом остался без электричества. Под землей был построен паркинг, куда поначалу пробирались бомжи. Потом все входы закрыли: такой меры хватило, чтобы защититься от бездомных, но Маркин легко вскрыл защиту и теперь мог делать внутри все, что пожелает. Все полученные от корпорации деньги он потратил на обустройство экспериментальной комнаты внутри паркинга. Разра-

ботчик принципиально не расходовал деньги на еду, побираясь по часу в день у входа на Смоленское кладбище. Там он и познакомился со своей первой жертвой — бездомным, имя которого не запомнил и называл просто сырьем.

Маркин разработал собственную модель искусственного интеллекта, украв наработки Google. Он не преследовал корыстных целей. Знал, что американцы еще лет пять будут осторожничать и доводить до ума уже готовую вещь. Маркин хотел лишь одного: протестировать разработку первым.

Не составляло никакого труда затащить бездомного на территорию паркинга и поместить в изолированную комнату. Дальше Маркин включил программу. Она должна была пройти тест Тьюринга, а затем пытаться гостя заданным способом. Каждый час бездомному полагалось съедать целый батон, ничем его не запивая. Если пленный пропускал прием пищи, потолок в комнате опускался на пять сантиметров. На тринадцатый день эксперимент был завершен, Маркин вынес тело из комнаты и оттащил его в дальний угол паркинга.

Следующий этап считался основным. Роберт Маркин выследил своего единственного друга, журналиста Матвея Колесникова, лишил сознания и доставил в комнату. На этот раз программа должна была почти мгновенно, с помощью внешних данных и нескольких фраз определить специфику сырья и решить, какая смертельная игра окажется в данном случае уместной...

Маркина задержали в майские праздники. При нем не бы-

ло никаких вещей, кроме крохотного робота, сидевшего в бороде и напоминавшего, когда хозяину необходимо принимать пищу.

1

Я проснулся ночью от разбитого окна. Раздался сильный хруст. Решил, что ночь, темно, но тут же понял, что ошибся. Кто-то включил люминесцентную лампу, вмонтированную в пол.

Где я? Болит голова. Пощупал затылок, больно. Первая мысль «меня похитили?» вызвала истерический смех. Кому я нужен, чтобы похищать? Даже смешно. Но, в таком случае, где я?

— Эй, где я?

Свет мигнул.

— Слышите меня?

Встал, осмотрелся. Окон нет, значит, никакое окно не разбивалось. Что тогда? Как-то даже не смешно. Неужели я попал в переделку? На меня не похоже.

— Давайте без шуток, а? Слышите меня? Где я?

Никто не ответил. Еще раз пощупал затылок и посмотрел на руку. Крови нет. Может, просто упал, ушибся? Но почему я оказался здесь? Это что, какая-то «Пила»? Вновь легкий истерический хохот. Что за бред, какая еще «Пила»? Жизни, похоже, ничего не угрожает, никто не приковал меня к трубе. Конечности на месте.

— Слышит меня кто-нибудь?

Ладно, молчите дальше. Или меня просто никто не слы-

шит? Может, надо подождать? Вот же дверь, надо проверить.

Проверил, заперто. Кто-то закрыл меня здесь. Как там было, в том фильме?

— Это не меня с вами заперли, это вас заперли со мной!

Только кого это, вас? Кто поместил меня сюда? Кто бы это ни был, он не внутри, а снаружи. Гениальная догадка, не правда ли? В этой комнате я один. Наверное, кто-то придет. Может, у них перерыв на обед? Может, это больница? Не похоже.

Дернул ручку еще раз. Заперто. Разбежаться и вынести дверь? Толкнул несколько раз, не помогло, крепкая. Терять самообладание нельзя, я к этому не склонен. Конечно, они придут и откроют, иначе и быть не может.

На стене ружье. Подошел, посмотрел, висит. Постучал по стене, вроде кирпич. Мыслю штампами: если на стене висит ружье, значит, оно должно выстрелить. Может, взять его и выстрелить в дверь? Надо стрелять туда, где замок? Или в ручку? Никакого замка не вижу, только ручку.

Выстрелить я всегда успею, но что про меня подумают те, кто откроет дверь? Он псих? Зачем он начал стрелять? С другой стороны, зачем они заперли меня, да еще с ружьем?

Подошел к столу. Такой низкий, а стула нет. Как за ним сидеть? На корточках, что ли? На столе красная печатная машинка, давно таких не видел. Да что там давно, никогда не видел, разве что на фотках в интернете.

Записка. Она выпала из странной вентиляционной трубы,

которую я сразу приметил. Похожа на уличные трубы на домах, по которым стекает вода.

«Выполненные задания = 0.

Количество знаков = 0.

Ориентировочное время выхода при выполнении всех заданий = через 14 округленных дней.

Высота потолка = 2 метра 45 сантиметров.

Дверь откроется, когда вы напишете миллион знаков высококачественного текста. Каждый час вы должны писать не менее трех тысяч знаков. В случае невыполнения потолок будет опускаться на пять сантиметров. Начальная высота — 2 метра 50 сантиметров. Вы были без сознания слишком долго, 1 час 6 минут назад я начал отсчет. Через 54 минуты потолок снова опустится, если вы не напишете три тысячи знаков текста. Предлагаю вам тему — Вселенная. Мой совет — начинайте писать немедленно».

— Это что, какая-то шутка?

Не буду я ничего писать.

— Решили меня разыграть, да?

Я знаю законы жанра. Если это розыгрыш, пусть подавят-ся.

— Мне не нравится ваш розыгрыш, понятно?

Я не доставлю им удовольствия. Просто сяду в центре комнаты и ничего не буду делать.

— Можете меня выпускать, шоу отменяется.

Но разве в таких случаях не принято заранее предупре-

ждать? Телевизионной кухни я не знаю, всю жизнь проработал в газете, но мне казалось, что людей все-таки должны как-то уведомлять, нет?

— Прислали бы что-нибудь, предупредили.

Какой забавный обиженный голос, даже смешно. Давно я не прислушивался к собственному голосу. Хорошо, давайте посидим, подождем, мне спешить некуда.

— Только учтите, мне это не нравится.

Просто так им не отделаться, пойду в полицию, скажу, что похитили. Пусть отдуваются. Надо было это вслух сказать, может, испугаются, или у них там все схвачено? Если это ТВ, у них, наверное, хорошие юристы. Они попытаются заставить меня что-то делать, вывести из равновесия, наверняка выйдут на связь, будут провоцировать. Терпение — мой козырь. Если я буду игнорировать их и не стану делать глупости, меня выпустят. Я слишком скучный, зачем меня показывать? Заурядная внешность, из интересного разве что усы.

Потолок будет опускаться... Интересно. Получается, если на секунду предположить, что в записке правда, через какое-то время меня должно раздавить. Так, что ли? Это их основная угроза?

От голода я точно не умру, по всему полу разбросаны консервы. Для атмосферы, наверное. Видимо, они ждут, что сейчас я начну их жадно есть.

Взял в руки банку, рассмотрел. Свинина какая-то. Честно говоря, не специалист по консервам, да и свинину не люблю,

особенно в таком виде. Она же там с застывшим жиром и хрящами. Сколько тут этих банок? Раз, два, три, четыре... Нет, не буду считать, они повсюду, штук сто, не меньше.

Комната в десять квадратных метров, где-то так. Стол, на нем печатная машинка, бумага, канцелярский нож. Он здесь зачем? Резать бумагу? Или что похуже?

— Вы бы тогда нормальный нож дали.

Пробормотал. Смешно. Есть ведь ружье на стене. Надо проверить, что там по патронам, зачем-то ведь его повесили, не для красоты же.

Пол бетонный, стены тоже, на противоположной от двери стороне висят часы. Они электронные, время не показывают. Показывают минуты и секунды, обратный отсчет. 24 минуты 26 секунд. Хорошо, ждать осталось недолго, посмотрим, что будет дальше.

Какой, интересно, сегодня день и который час? День, ночь? Они вообще думают, что творят, так ведь и психологическую травму можно нанести? Я не из пугливых, конечно, но им-то откуда знать.

Или они меня знают? Нет, коллеги на такое не способны.

— Надеюсь, вы договорились с главным редактором, что я буду отсутствовать.

Сказал и засмеялся. Так и представил, что кто-то пришел в «Вечерку», заявился в кабинет Кудрявцева и стал меня спрашивать. Он же меня ненавидит, считает, что я не журналист.

— Если меня уволят, будете меня содержать.

Прозвучало грустно. Не хочется ни о чем таком думать.

Вообще не хочется думать.

— Ваша шутка затянулась, выпускайте, что ли.

Не хотите, как хотите. Тогда я полежу, отдохну, может, посплю на вашем бетонном полу. Если заболею и умру, будете отвечать.

— Это уже не смешно. Да пошли вы.

Проснулся от хруста. Потолок опустился. На часах было 59 минут 56 секунд.

Ваши ожидания — ваши проблемы. Чего вы ждете от меня?

— Чего вы ждете?

Где тут камеры? Осмотрелся, нигде нет. Где они обычно располагаются в таких случаях? И в каких это — таких? Когда похищают людей? Откуда мне знать. Может, где-то под потолком, в углах, но там их нет. Здесь вообще есть камеры? Если нет камер, тогда меня не снимают, значит, это не какое-то шоу. Или я просто не вижу их, не знаю.

Надоело, надо выбираться. Чья-то неудачная шутка затянулась. Они явно ждут каких-то действий, не может быть, чтобы меня бросили сюда просто так. Какое мне дело, зачем я гадаю? Надо выбираться.

— Только учтите, я уже с вами не шучу.

Выбью дверь и сразу в полицию. Пусть их всех посадят. Буду настаивать на похищении, даже если это розыгрыш.

— Это не розыгрыш, понятно вам? Это похищение.

Разбежался и попытался выбить дверь...

Больно, зачем же так сильно? Сначала надо было потихоньку. Наверное, я очень злой, плохо себя контролирую. Надо собраться, успокоиться. Как выбить дверь? Не знаю, никогда не выбивал. Плечо теперь ноет. Жесткая дверь, из чего она вообще? Постучал, вроде обычная обшивка, не раз-

бираюсь в этом. Может, внутри что-то.

Еще раз разбежался, нет, не то. Не выбью я ее, только покалечусь. Они мне еще за плечо ответят, надеюсь, там не вывих. Потолкал еще чуть-чуть. Кого я обманываю, через эту дверь мне не выйти.

— Откройте!

Закричал.

— Откройте, слышите! Я не шучу. Откройте!

Кричал, вышел из себя. Потом подождал, отдышался, никакой реакции. Хорошо, давай искать другой выход.

Через потолок? Это невозможно, просто бетонная плита. А как она двигается, как опускается? Осмотрел, непонятно. Есть пара маленьких щелей, но мне до них не добраться. Хотя почему, вот же стол. Убрал печатную машинку, передвинул. Взглянул на часы, 32 минуты 46 секунд. Сколько там потолок сейчас? Достану, он низкий. Мой рост метр семьдесят пять, где-то так, хотя не измерял со школы. Лет с тех пор прошло немало, может, я вырос. Хорошо, стол придвинул, ну и что? Щель и щель, ничего не видно.

— Слышите меня? Эй? Вы слышите? Там есть кто?

Наивно ждать ответа. Если бы хотели, уже бы ответили. Передвинул в другое место, еще одна щель, точно такая же.

— Есть кто? Слышите? Откройте, я не шучу! Откройте!

Ударил кулаком туда, где щель. Опять больно. Еще раз ударил, на, получи. Еще получи.

— Это не игра, слышите!

Спрыгнул со стола, подошел к вентиляционной трубе, пнул ее несколько раз, попытался трясти, ударил кулаком. Крепкая, намертво закреплена.

— А если так, а?

Разбежался, прыгнул и повис на ней в надежде, что отвалится. Там ведь дыра в потолке, так? Если труба отвалится, я смогу вылезти через эту дыру или хотя бы попытаться.

— Ну же, давай! Давай!

Нет, ни в какую. Упал, лег на пол. Она закреплена намертво.

— Хорошо, я понял, вы меня отсюда не выпустите, так? Сам я тоже не выберусь.

Еще одна мысль. Вскочил, подбежал к ружью, снял со стены.

— Оно заряжено?

Вопрос в потолок. Так просто оно бы не висело. Значит, заряжено. Не умею стрелять, но другого выхода нет, надо пробовать. Как целиться? Вот здесь как-то к плечу, так или по-другому?

— Да не умею я.

Плевать. Приставил к дверной ручке и нажал на курок.

Ружье не помогло. Не знаю, что именно произошло, но я упал и еще сильнее ушиб плечо. Нет, вывиха нет, проверил. Все нормально, терпимо. И зачем оно висело на стене? Посмотрел на дверь, никакого эффекта. Что стрелял, что не стрелял. Ружье теперь на полу, пусть лежит, в нем нет смысла.

Снова этот треск. Опять? Звук не самый приятный. И как эта плита перемещается? Это вообще возможно? Значит, потолок опустился еще на пять сантиметров, правильно? И сколько он теперь? Какая высота? Встал, головой пока не бьюсь.

— Мне не страшно.

Зачем-то сказал. Обычно так говорят, когда страшно.

Думай. Что там было в записке? Где она? Вот. 2 метра 45 сантиметров. Хорошо, после этого потолок опустился еще дважды. Получается, сейчас высота 2 метра 35 сантиметров. Я не баскетболист, так что нормально.

Выпускать меня они не собираются, но делать то, что они хотят, тоже нельзя. Это же полный бред, ну какой миллион знаков? Они хоть понимают, сколько это?

— Толстой столько не писал, а я не Толстой.

Или писал? В «Войне и мир» явно больше миллиона знаков. Может, миллионов пять. Но это же «Война и мир». Я-

то здесь при чем? Я не писатель, а всего лишь журналист.

Думай, думай. Надо понять, кто меня похитил, если это все-таки похищение. Где я был? Так, надо вспомнить, где был... Что последнее я помню? Какой был день недели? Нет, это слишком сложно, день недели не помню. Число? Нет. Был рабочий день. Да, точно, рабочий день, потому что я поехал в редакцию и зашел к Кудрявцеву. Рассказывал ему, что есть идея поехать в Финляндию на какой-то фестиваль Red Bull. Можно завязать партнерские отношения. На самом деле я просто хотел съездить в Хельсинки за чужой счет, но Кудрявцеву внушал, как это полезно. Он сказал, что подумает и выпроводил меня из кабинета.

Дальше, что было дальше? Дальше я делал вид, что работаю. На самом деле в тот день я ничего не писал, да я вообще редко что-то писал, поскольку тексты о спорте в «Вечерке» были нежелательным элементом. Кудрявцев ненавидел спорт, а я ненавидел Кудрявцева с того момента, как он выключил редакционный телевизор, когда я смотрел финал чемпионата мира по хоккею. Наши играли с канадцами, а этот... Ладно, проехали.

Я ушел раньше. Вспомнил! Думал о том, что надо заглянуть к отцу. Я всегда заходил к нему в день рождения. Сколько ему уже? Не помню, наверное, 67. Исполнилось уже или нет? Был день рождения?

— Какой сегодня день? Дата?

Это важно. Никогда не забуду, что однажды сказал отец.

Года три назад, наверное.

— Это очень важно. Какой день?

Никто не отвечал.

— Вы не понимаете, это очень важно. Очень! Дату!

Сколько я здесь на самом деле?

Что был за день тогда? Вторник, среда? Не помню. А число? Тоже не помню.

— Это вопрос жизни и смерти. Выпустите!

Снова занервничал и начал долбиться в дверь.

— Да пустите же!

Обмяк и оказался на полу. В глазах слезы. За что мне это? Что за нелепая игра?

— Хорошо, плевать. Я буду писать. Только скажите, какая сегодня дата.

Сказал тихо. Никто не ответил. На часах было 42 минуты 16 секунд.

Кажется, в тот день я не дошел до дома. Тогда меня и похитили. Только где? Точно помню, что зашел в овощную лавку и купил грецких орехов. Что было потом, не знаю.

Будем считать, меня похитили. Что делать? Как не хочется выполнять их условия. Что за бред? Они всерьез хотят, чтобы я написал миллион знаков? Но о чем?

Еще раз посмотрел в записку. Первая тема — «Вселенная». Улыбнулся.

— Какая еще Вселенная?

Не хочу я выполнять их условия. Не хочу и все. Если начну делать это, они меня не отпустят.

А в ином случае они меня, конечно, отпустят, как же. Тупик какой-то, как поступать в таких ситуациях, меня не учили. А кого учили? Да никого. Вспомни еще уроки ОБЖ в школе. Смешно. Только улыбаться уже не хочется.

— Ладно, давайте так: я начну писать, только дайте мне сходить в туалет.

Хочется очень.

— Или вы мне тут горшок поставили?

Пошутил, заставил себя улыбнуться. Осмотрел комнату, туалета нет, горшка тоже.

— Я же говорю, напишу я про вашу Вселенную, хорошо, вы победили. Только в туалет дайте сходить нормально.

Молчание. Никакой обратной связи, это очень раздражает. Абсолютная неопределенность.

— Вы понимаете, что я не могу писать текст в таких усло-

виях?

Опять занервничал, повысил голос.

— Вы меня похитили, я не знаю, где я, какой сейчас день и вообще ничего не знаю. Я хочу в туалет, понимаете?

Закричал.

— Да откройте же! Выполню я ваши условия, понятно? Мне что, прямо здесь в туалет ходить?

Опять стал долбиться в дверь.

— Хотите, да? Хорошо, вот вам, пожалуйста.

Достал то, чем был снаряжен для жизни, руки дрожали, трясло, нервы.

— Вот вам, пожалуйста, вот вам текст, все миллион знаков прямо на дверь.

Обильно на дверь.

— Довольны? Я спрашиваю, довольны?

Не поднимая штанов, опять долбился в дверь. Стоял в луже, кажется, плакал.

— Выпустите, слышите. Выпустите.

Тихо повторял «выпустите» много раз. После от изнеможения скатился по двери прямо в лужу.

В этот момент я осознал, что это не игра. Меня действительно похитили и, судя по всему, мне отсюда не выбраться. Не знаю, какие у них цели на самом деле, чего они хотят. Скорее всего, просто убьют меня. Зачем им мои тексты? Это просто смешно.

— Хорошо, я же сказал, что напишу про Вселенную.

Сказал это скорее для себя. Но зачем идти у них на поводу? Ты об этом подумал? Что тебе дадут эти тексты? Оттянут твою смерть? Или что?

Нет, они не будут убивать меня сами. Хотят, чтобы меня раздавил этот потолок, так? И если я буду выполнять их условия, он меня не раздавит. Но что дальше?

— Если я все-таки напишу миллион знаков, вы меня отпустите, да?

Они не ответят. Где эта записка, черт, прямо в луже. За что мне это, а?

Громко закричал, повторяя про себя «за что, за что, за что».

— Да за что мне это, а?

Встать! Соберись! Поднялся, еще раз перечитал записку. «Дверь откроется, когда вы напишете миллион знаков высококачественного текста». Значит, это их условие.

— И вы правда откроете дверь?

Ответа нет и не будет, смиришься с этим. У меня нет другого выбора. Надо писать тексты, иначе не выбраться. Не знаю, откроют или нет, но какая разница? Мне остается только два варианта — или похоронить себя здесь, утонув в собственной продукции, или согласиться играть по их правилам и надеяться, что они выполнят то, что обещают. Напишу, и дверь откроется.

— Хорошо, я согласен, слышите. Согласен.

Нет даже стула. Как писать?

— Мне на корточках, что ли, сидеть?

Стул бы хоть дали, им жалко, что ли? Ладно, я и на корточках могу, да и печатную машинку можно на пол поставить, если что. Хорошо, вот стол, вот машинка, вот листы бумаги. Как печатать-то? Помню, когда был молодой, только начинал карьеру, несколько раз писал от руки и приносил машинисткам. Но это когда было? Приходил в редакцию лет в шестнадцать, у меня там дядя работал, давал задания, принес пару статей, написанных от руки. Дядя познакомил меня с машинистками. Помню только, что в их комнате было сильно накурено. Но даже в ту бедную редакцию в том же году завезли компьютеры, потому что без них работать было уже невозможно. К тому же, содержать машинисток дороже, чем один раз закупить компьютеры и пользоваться ими много лет. Это была не «Вечерка», а другая газета, районная, там эти компьютеры потом стояли много лет. Как-то пришел навестить дядю и увидел пузатые древние мониторы, хотя во всех нормальных редакциях уже стояли тоненькие экраны.

Печатать на машинке я тоже пробовал, когда учился в СПбГУ на матмехе. Один профессор, коллекционер всякого старья, как-то принес на пару машинку, он любил развлекать нас такими вещами, чтобы не было скучно. Тогда я чуть-чуть

попечатал, понял, как работает механизм.

— Так, надо вспомнить. Вот так, да, лист сюда, потом так.

Что там за тема? Где здесь буква «в»? Как сделать, чтобы она была прописной?

«Вселенная». Первое слово, и сразу с ошибкой. Вторая «н» не нажалась. Как исправить?

— Мне нужно исправлять ошибки?

Ошибки ведь будут. И случайно, и по глупости.

— Может, вы мне справочник дадите?

Пошутил. Уже давно пользуюсь компьютером и смартфоном, чтобы проверять себя. Раньше на рабочем столе лежал справочник Розенталя.

Так, смартфона у меня нет, проверил. Забрали. Справочника тоже.

— Хорошо, тогда я буду ошибаться, сами виноваты.

Значит, Вселенная. Что можно написать на эту тему? Что за глупость? Какой последний материал я писал для «Вечерки»? Сейчас вспомню. Что-то про трансферы «Зенита». Сейчас это смешно. Как будто тема про «Зенит» менее глупая, чем Вселенная.

Что писать? И как? Сколько лет я в журналистике? Почти двадцать. Если бы Кудрявцев дал мне задание написать про Вселенную, как бы я поступил, с чего бы начал?

«Вселенная — это продукт большого взрыва. Но что такое большой взрыв, никто не знает». Напечатал. Но почему никто не знает? Я не знаю, а какой-нибудь Стивен Хокинг

очень даже знает. Наверняка в России тоже есть какой-нибудь эксперт, который мог бы объяснить простым языком, что такое Вселенная. Я бы нашел его телефон, позвонил, поговорил. Потом бы начал искать в интернете, собрал интересные факты, тут даже «Википедия» помогла бы.

Но что делать сейчас? Как писать без интернета, телефона? Это не журналистика, а какая-то ерунда.

— Не знаю я, что писать, понятно? Просто не знаю.

Интернет бы провели. Какая еще печатная машинка, вы что, с ума сошли?

Как же неудобно сидеть на корточках. Встал.

— Мне бы стул и интернет, тогда нормально будет.

Испугался. Вместо ответа потолок снова хрустнул и опустился. 2 метра 30 сантиметров. Поднял руки, почти достаю до потолка. Надо продолжать писать.

Есть час, чтобы написать этот текст про Вселенную, тогда потолок не опустится, правильно я понимаю?

— Это так?

Ты уже думаешь, что они читают твои мысли? Не бредь. Снова на корточки, поехали...

На часах было 12 минут 43 секунды, когда текст был написан. Много опечаток, но какая разница, иного выхода нет, не переписывать же.

— Как узнать, что здесь три тысячи знаков? Как узнать, что не меньше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.